

Советская молодежь. - Рига. - 1990. - 20 страниц

Геннадий Хазанов:

«НЕ ХОЧУ БЫТЬ ПРЕЗИДЕНТОМ»

Когда вы знакомитесь с человеком и узнаете, что он врач, вы заводите с ним разговор о своих болячках. С пенсионерами толкуют о пенсиях, с милиционерами — о преступлениях. С юмористами принято говорить о веселом. Омский корреспондент агентства ИМА-пресс Владимир ДОВРЫНИН решил отказаться от этой традиции. Тем более что повод к серьезной беседе Геннадий ХАЗАНОВ дал сам. Своими выступлениями в Омске.

— Скажите, Геннадий, вы что — основательно занялись политикой? В ранних ваших вещах был безобидный юмор — юмор в чистом виде. Теперь же — пародия на Съезд народных депутатов, на заседание Верховного Совета. Это дань моде или логика профессионального роста?

— Я задам вам встречный вопрос: пародия на Озерова из начала 70-х была политической?

— Не думаю.

— Значит, мы по-разному подходим к этому вопросу. Пародия на спортивный репортаж, который возводился в ранг политической битвы... Поймите, политика — это любые проявления жизни. Просто мы как-то странно подразделяем: если речь идет о конкретных политических событиях, мы называем это политикой. А если речь идет о том, как человек снимает плавки, пытаюсь доказать, что советский гражданин свободный, — это не политика. Политика есть во всем — только в более или менее закомуфлированном виде.

Я вспоминаю свои ранние пародийные миниатюры. В них мог быть и чистый юмор. Но чаще под внешней оберткой таился скрытый смысл. Конечно, не все могли в него вникнуть. Что делать — тогда нельзя было обойтись без иносказания. Скажите, если бы в миниатюру «Волки и овцы» не вплелась пародий-

ная сторона, ее можно было бы считать политической?

— Конечно. В ней — картина отношений между верхами и низами в нашем обществе.

— Должен вас разочаровать. Два года назад, когда я исполнял эту миниатюру, не пародируя Горбачева, она не имела успеха.

— По-моему, здесь виновата забитость народа. Правда, нынче повсюду трубят о политизации масс...

— Господи, какая политизация? О чем вы? Я в Омске дал четырнадцать концертов и ни разу не видел активной реакции на реплику «Борис, ты не прав!». Люди даже не знают, о каком Борисе идет речь и в чем он не прав. И так не только в Омске, но и в Липецке, в Череповце... Меня не покидает ощущение ужаса. Апокалипсиса. Большинство людей живут проблемами колбасы и хотят, чтобы в каждом моем выступлении было что-нибудь про колбасу.

— Что делать — «искусство принадлежит народу».

— Да ерунда это все. Искусство никому не может принадлежать!

— По крайней мере раньше оно принадлежало цензуре...

— Если начальник организации, именуемой Главлитом, говорит, что политическая цензура отменяется, значит искусство ей больше не принадлежит. Я не разгла-

шаю военных тайн и прочей секретной информации. Просто высказываю в художественной форме свою точку зрения. Почему мое мнение должно принадлежать кому-то?

— Пародировать президента — это опасно?

— Лучше уж пародировать президента, чем дожидаться момента, когда президент станет пародией. Мы восемнадцать лет держали руководителя, который мог бы быть... ну, хорошим начальником футбольной команды «Днепр». Любил быть начальником, любил ездить по миру, любил награды. Ну, завоевывал с командой медали, носил их да катался по Европе. А вообще-то народ заслуживает того президента, которого имеет.

— Вы не ответили на вопрос.

— Я вам расскажу байку, которая звучит в конце каждого моего концерта. У одного короля был шут. «Покажи министра», — просил король. Шут показывал. Король смеялся, подбавлял мантию и задрал ноги. «Покажи королеву». Шут показывал. Король валился со смеху. И вот наступил момент, когда король сказал: «Ну а теперь покажи меня». Шут исполнил приказание... И уже потом, на лесоповале, никак не мог сообразить, что же он такого сделал.

— Вам никогда не хотелось стать президентом?

— Нет. Особенно сейчас. Не представляю, как решать эту задачу с диким количеством неизвестных, где одно тянет за собой другое, поскольку я убежден, что все равно расчленение империи — процесс необратимый.

— То есть, по вашему

мнению, раскол, начало которому может положить отделение Литвы, — явление нормальное?

— Во-первых, все началось раньше — с Карабаха. Литва сделала первый практический шаг. А во-вторых, если люди хотят уйти — пусть идут. Так нет, им начинают объяснять: вы умрете. Они говорят: «Да мы уже в могиле. Дайте хоть умереть в другом месте». Ситуация — как в семье перед разводом. Один говорит: уйду. Второй: нет, ни за что. И начинает ставить палки в колеса. Тут уж первый делает все назло, чтобы уйти. А вы представьте ситуацию, когда второй говорит: ладно, уходи. Вот тут первый сто раз подумает, как ему распорядиться своей свободой.

К сожалению, нам надо пройти через страшные месяцы, а может быть, и годы. Все равно — не мы, так наши дети придут к этому. Империя рухнет, потому что невозможно существовать под одной крышей народам Прибалтики и народам Средней Азии или Камчатки. Разный уровень развития, разные культуры — все разное. Пока их соединяет только административно-командная система. Когда система сдает, начинается распад. Империя может существовать только на штыке.

— Вы симпатизируете какой-либо партии?

— Я очень плохо знаком с партийными программами. Но убежден, что в том виде, в каком сегодня существует КПСС, у нее нет перспектив.

— Несмотря на свою нейтральность, вы так или иначе участвуете в той борьбе, которая развернулась в стране...

— Вопрос только в том, что это за борьба.

— Об этом я вас хотел спросить.

— Тогда я отвечу словами ленинградского сатирика Михаила Городинского: «Я думаю, что сейчас у нас в стране идет борьба народа против коммунистической партии... под руководством коммунистической партии. Я желаю победы обоим». Я тоже.

ИМА-пресс.